

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125

EDN JNAEGT

**Ретритная духовная практика и антропология аскезы
в романе В. Маканина «Предтеча»**

Се Чжоу¹, Чжан Вэйвэй²

¹Доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР.

²Аспирантка кафедры русского языка и литературы института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин

¹xiezhou1234@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²1091296295@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9887-7569>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению творчества Владимира Маканина (прежде всего, его романа «Предтеча») в аспекте репрезентации в нем духовной практики ретрита, непосредственно связанной с духовной и физической аскезой. Авторы рассматривают ретритную антопологию и антропологию аскезы как один из важнейших компонентов синергичной антропологии, исследуют историю формирования и сущность духовной практики ретрита, благодаря которой человек через самосовершенствование достигает духовной святости и спасения души. История жизни Якушкина рассматривается как поэтапный процесс медитативной духовной практики, когда герой достигает просветления, становится другим человеком и начинает страстно проповедовать окружающим любовь и равенство, критикуя жадность и похоть, и в то же время снова и снова раскаиваясь в своих прошлых деяниях, претерпев радикальный сдвиг в сознании от своего прежнего вульгарного и алчного эго к нынешнему святому и бескорыстному Я и выступая в роли знахаря, который лечит людей своими особыми методами и секретными рецептами, так что пациент исцеляется не только физически, но и психологически, тем самым постепенно изменяя и очищая всю личность. В статье рассматриваются причины, по которым Якушкин не достигает высшей цели духовной практики аскезы, анализируется проявление сходных мотивов в зрелом и позднем творчестве В. Маканина, и констатируется, что ретритная антропология глубоко вошла в русскую национальную культуру как активная практика постепенного преобразования всей личности, достижения самосовершенствования и обретения истинного внутреннего покоя и миротворения.

Ключевые слова: В. Маканин; «Предтеча»; Якушкин; аскетизм; ретритная практика; квиетизм; синергичная антропология

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Вэйвэй Ретритная духовная практика и антропология аскезы в романе В. Маканина «Предтеча» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 4 (14). С. 110-125. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125>. <https://elibrary.ru/jnaegt>.

Original article

Retreat spiritual practice and the anthropology of ascesis in V. Makanin's novel *The Forerunner*

Xie Zhou^{1✉}, Zhang Weiwei²

¹Doctor of philology, professor, director of the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest University at the PRC Ministry of Education, dean of the Russian language faculty, Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

²Postgraduate student at the Department of the Russian language and literature, Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

¹xiezhou1234@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²1091296295@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9887-7569>

Abstract. The article examines the work of Vladimir Makanin (primarily his novel “The Forerunner”) in terms of representing in it the spiritual practice of retreat, directly related to the spiritual and physical ascesis. The authors consider retreat anthropology and the anthropology of ascesis as one of the most important components of synergetic anthropology, exploring the history and essence of the retreat spiritual practice due to which one achieves spiritual holiness and soul salvation through self-improvement. The story of Yakushkin's life is seen as a step-by-step process of meditative spiritual practice, when the hero reaches enlightenment, becomes a different person and begins to passionately preach love and equality to others, criticizing greed and lust, and at the same time repenting again and again of his past deeds, undergoing a radical shift in consciousness from his former vulgar and greedy ego to his present holy and selfless self and acting as a healer who heals people with his special methods and secret recipes, so that the patient is healed not only physically but also mentally, thereby gradually changing and purifying the entire personality. The article examines the reasons why Yakushkin does not achieve the highest goal of the ascetic spiritual practice, analyzes the manifestation of similar motifs in V. Makanin's mature later work, and states that retreat anthropology is deeply embedded in Russian national culture as an active practice of gradual transforming the whole person, achieving self-improvement and finding true inner peace and tranquility.

Key words: V. Makanin; “The Forerunner”; Yakushkin; asceticism; retreat practice; quietism; synergetic anthropology

For citation: Xie Zhou, Zhang Weiwei Retreat spiritual practice and the anthropology of ascesis in V. Makanin's novel *The Forerunner*. *World of Russian-speaking coun-*

tries. 2022; 4(14):110-125. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-4-14-110-125>. <https://elibrary.ru/jnaegt>.

Введение

Переводы на русский язык понятия «ретрит» и «ретритный» колеблются между несколькими смысловыми центрами: уединение, удаление, затвор и отступление. Фундаментом, объединяющим эти смыслы, является затворническая деятельность как стремление человека удалиться от принятых норм повседневного бытия. Ретрит – это форма духовной практики (или духовных практик), зародившаяся в лоне мировых религий (буддизм, некоторые ветви христианства, ислам). Обозначенные практики ретрита непосредственно связаны с духовной и физической аскезой. На основе практики и культивирования аскетизма антропология аскетизма ориентируется на людей, занимающихся аскетической практикой, которая предполагает постепенное изменение всего человека. Практикующие проходят через начало, процесс и результат последовательно, совершая своего рода пошаговое восхождение. Начало практики – «обращение» людей, а процесс – преодоление препятствия к духовному восхождению – желания с помощью «внимания» и «молитвы», а результат – «обожение». Произведения Владимира Маканина разных лет так или иначе оказываются связанными с концепцией ретритной антропологии, особенно в романе «Предтеча».

«Предтеча» – произведение современного русского писателя В. Маканина, созданное им в зрелом периоде его творчества. В 1980-е годы в произведениях Маканина в основном описывались маргинальные фигуры из низов общества, отражая всеобщую тревогу и отчаяние, сильное желание найти духовное пристанище в Советском Союзе, вступающем в стадию экономического застоя. Главный герой «Предтечи» Якушкин, первоначально обычный строитель, отправился в сибирский девственный лес отбывать наказание за кражу стройматериалов, в этот период его ударило бревном и повредило голову, благодаря чему он получил особую способность лечить болезни и встал на путь спасения людей и помощи миру. В нашей статье мы попытаемся рассмотреть этого персонажа в свете концепции ретритной духовной практики с целью исследования феноменов аскетического и медитативного бытия личности в произведениях В. Маканина.

1. Аскетизм и ретритная антропология: теоретическое обоснование и исторический экскурс

Антропология аскезы, предложенная известным современным русским философом С. Хоружим, является развитием и расширением аскезы как духовной практики. Ретритизм, или ретрит – это особый

вид духовной практики. «Что касается содержания, то аскетизм состоит в том, что посредством каких-то особых средств, прежде всего молитвы, практикующий изменяет всю свою личность и постепенно приближается к соединению с Богом, то есть к обожению, что и является концом практики» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 83].

Ретритизм зародился в Римской империи в IV веке нашей эры. В это время Римская империя была миром христианства. Будучи государственной религией Римской империи, христианство было интегрировано во все аспекты жизни людей. Строительство церквей и приобщение людей к церкви было не только тенденцией того времени, но необходимым и устойчивым образом жизни. Среди ревнителей христианства появилась группа первопродходцев, покинувших города и направившихся в пустыню, чтобы практиковать в одиночестве, и они были первыми подвижниками. «Бегство в пустыню имеет четкую антропологическую и религиозную цель» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 87]. Они не могли получить опыт обожения, важный онтологический опыт, в обычной христианской общественной жизни в городе. В таком опыте практикующим необходимо изменить свои отношения с высшим абсолютным существом, с «Богом», поэтому им необходимо прорваться через общую стратегию

неизменения собственной онтологической ситуации, сбежать из города, сбежать от общества, сосредоточиться на себе, и завершить свою сущностную трансформацию. Иными словами, выбрать ретритизм – значит выбрать противоположную стратегию, что тоже можно рассматривать как пробуждение сознания, что крайне значимо для духовного статуса. С IV по VI век нашей эры аскетизм быстро развивался, когда стало происходить массовое бегство практикующих из городов в пустыню. Этих людей называли пустынниками, а предшественников, которые впервые пришли сюда практиковать, также называли отцами-пустынниками, поэтому этот период также известен как период отцов-пустынников. Пустынники, готовые приступить к аскетической практике, были монахами-послушниками, а отцы-пустынники, имевшие некоторый опыт в практике аскетизма, были старцами, которые руководили новичками в практике аскетизма. Послушнику необходимо освободиться от самого себя и раствориться в опыте и воле Старшего, и эта тесная связь между Старшим и послушником, между старейшинами и учениками является универсальным антропологическим открытием. VII-X века нашей эры были центральным этапом в развитии аскезы. На этом этапе появились инструменты медитации. В практике ретрита практикующий с самого начала имеет четкую цель, а

затем достигает ее с помощью этого набора систематических и стандартизированных инструментов. Этот процесс является процессом антропологической практики. Не только процесс ретритной практики является практикой ретритной антропологии, но и инструменты ретритной практики являются содержанием ретритной антропологии. Этот набор инструментов – инструмент медитации, который берет на себя задачу организации практики медитации, объяснения опыта медитации и проверки опыта духовного опыта. В XIII и XIV веках нашей эры этот этап известен как завершение аскетизма. Практики аскезы освоили опыт и приблизились к цели обожения. «Человек должен претерпеть очень большие изменения, чтобы в нем появились не только качества человека, но и качества другого плана существования, другого способа бытия» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 59]. Это особый антропологический феномен, «он показывает, что человек соприкоснулся с проявлением иного способа бытия, иного вида энергии, начало встречи человеческой энергии с божественной» [霍鲁日、张百春, 2010a, с. 89].

Таким образом, антропологическая составляющая присутствует во всем развитии аскетизма. На начальном этапе аскезы практикующие бежали из города в пустыню, и пробуждение, и качественное

преображение их сознания имели позитивное антропологическое значение. На стадии развития аскетизма объединение старейшин и послушников в одну пару также имеет универсальное антропологическое значение. На основной стадии аскетизма инструменты аскетической практики становятся содержанием ретритной антропологии. На этапе завершения ретритизма, реализация обожествления также является особым духовным феноменом.

Кроме того, духовная практика ретрита – это практика человека как субъекта, переживающего начало, процесс и результат практики, сосредоточенного на собственном росте и трансформации. Начало ретритной антропологической практики – «обращение», которое является разрывом с прошлым и проявлением духовного пробуждения; процесс ретритной духовной практики – лестничное восхождение, с помощью «молитвы» и «внимания», преодолевающее сопротивление восхождению. Целью и завершением аскетической антропологической практики является «обожение», завершение прорыва и реализация другого «я».

Аскетизм «не только отражал самобытность русского православия, но и оказал большое влияние на формирование русской культуры и национального самосознания» [刁科梅, 2013, с. 74]. Он был завезен на Русь из Византии в Киевский период и оказал длительное и глубокое влияние на русскую нацио-

нальную жизнь и национальную культуру. В то же время аскетизм развил новую и самобытную форму пресвитерианства на русской земле. Пресвитерианство – это также особый антропологический феномен. Работа старца делится на три направления: во-первых, его собственная практика, а практика аскетизма сама по себе является антропологической практикой; во-вторых, он руководит монахами в практике аскезы, причем старец и монах разделяют одну волю, волю старца, образуя духовную пару – «два в одном»; в-третьих, он дает духовные советы, отвечая на вопросы людей и решая их проблемы. Признание старейшин народом можно рассматривать как проверку практического опыта аскетизма старейшин, что имеет уникальное антропологическое значение. Именно поэтому русская православная система пресвитерианства – это первое, что приходит на ум при упоминании антропологии аскетизма в русской литературе. Русское православное пресвитерианство повлияло не только на жизнь и мысли людей, но и на творчество писателей, и хотя в романе Маканина «Предтеча» нет пресвитерианства в строгом смысле, но есть достаточно оригинальная «антропология затворничества».

«С самого начала ретритизм поставил перед собой самостоятельную антропологическую задачу: разработать набор практик и дисциплин, с помощью которых можно

постепенно трансформировать всего человека» [霍鲁日、张百春, 2010 в, с. 92] Таким образом, антропология аскезы – это не только практика, но и постоянное самосовершенствование. В этом также заключается значение этой антропологии для современных людей, призывающей к пробуждению самосознания, реализации и совершенствованию себя через духовные усилия.

Ретритная духовная практика и антропология аскезы в «Предтече»

В. Маканин изображает необычного главного героя, Якушкина, в своем романе «Предтеча» так: «Душевно больной герой, исцеляющий “духовно” больное общество» [Владимирова, 2013, с. 112]. Якушкин погружен в практику исцеления и спасения людей, не только сам, но и ведя за собой толпу верующих в поисках истины и духовной святости. Вся история жизни Якушкина – это поэтапный процесс медитативной духовной практики.

Во-первых, аскетическая духовная практика начинается с «обращения». В христианской системе «обращение» аскетической антропологии отличается от «обращения» традиционного циклического пути и самовозврата в Древней Греции тем, что требует, чтобы «практикующий изменил тип своего сознания в начале своего пути.

Это пробуждение сознания» [霍鲁日、张百春, 2010 в, с. 95]. В процессе трансформации «отношение полного отрицания направлено не только на окружающий порядок жизни, но и на самого себя, на свое прежнее состояние» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 96]. Главный герой романа, Якушкин, когда-то был обычным и примитивным строителем деревянных домов, которого потом приговорили к отбыванию срока в сибирской тайге за кражу строительных материалов, и во время тяжелой работы на открытом воздухе бревно ударило его по голове, и в этот момент он увидел вспышку истины, как будто... «белую полосу на темном небе или легкую вспышку молнии» [弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松, 2006, с. 48], после чего Якушкин впал в беспамятство. Он достиг просветления, и когда он снова пробудился, истина уже укоренилась в его сердце. После этого Якушкин стал как бы другим, новым человеком, он стал беспрерывно говорить, страстно проповедуя окружающим любовь и равенство, критикуя жадность и похоть, и в то же время снова и снова раскаиваясь в своих прошлых преступлениях – краже строительных материалов нечестным путем. Это означает, что Якушкин претерпел радикальный сдвиг в сознании от своего прежнего вульгарного и алчного эго к нынешнему святому и бескорыстному Я.

Его неустанные проповеди окружающим были критикой прежнего порядка его жизни, а его постоянное раскаяние в своем преступлении было разрывом с прежним образом жизни. Таким образом, Якушкин завершил свое «обращение» и вступил на практический путь ретритной духовной практики.

Во-вторых, основным содержанием духовной практики аскезы является «организация духовной деятельности, осмысление и рассмотрение опыта, полученного в духовной практике» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 92]. Под «организацией практики» понимается конкретное средство достижения цели изменения и очищения человека, с целостной системой методов и правил. Здесь, в Якушкине, организация этой практики заключается в том, чтобы лечить людей своей особой терапией и секретной формулой как знахарь, чтобы больного можно было вылечить не только физически, но и психологически, тем самым постепенно меняя и очищая всего человека. В случае Якушкина организация этой практики заключается в том, чтобы выступать в роли знахаря, который лечит людей своими особыми методами и секретными рецептами, так что пациент исцеляется не только физически, но и психологически, тем самым постепенно изменяя и очищая всю личность. Представление Якушкина об очищении отражено в двух аспектах: с

одной стороны, он всегда заставляет больных поститься и воздерживаться от пищи, чтобы здоровые и свежие клетки организма могли добиться самовосстановления и очищения; с другой стороны, он презирает современные химические препараты и настаивает на том, чтобы его собственные препараты содержали чистый кальций и лекарственные травы. Отсюда и авторская критика современной индустриальной цивилизации. Объяснение и изучение опыта, полученного на практике, относится к преобразованию опыта в содержание, которое может быть выражено словами, а затем к передаче его другим, что отражает социальные и коллективные факторы антропологии аскезы. Кроме того, учение Якушкина включает «элементы христианства, язычества и социалистической идеологии» [Васильева, Васильева, 2017, с. 249].

Необыкновенная способность Якушкина исцелять больных и его непрекращающиеся разговоры об истине и любви собрали вокруг него общину верующих из всех слоев общества. Эти верующие были больны не только телом, но и душой, и они олицетворяют психологически угнетенное состояние советского общества. Начиная с 1980-х годов в Советском Союзе произошло несколько смен руководства, появились признаки экономического упадка, социального беспорядка и моральной деградации, а в обществе возникло чувство

тревоги и разочарования. Учение Якушкина о любви и доброте было противопоставлено от бездуховности людей, поэтому Якушкин имел для них особую привлекательность, и они охотно слушали и практиковали учение Якушкина. Проповеди Якушкина своим последователям были формой духовного исцеления. Якушкин разговаривает со своими последователями, понимает их бедственное положение и дает им духовные советы, что представляет собой уникальный антропологический феномен. Бесконечный поток почитателей вокруг Якушкина – лучшее доказательство его интерпретации и проверки опыта, полученного в ходе практики. Ответственность Якушкина перед своими последователями, обществом и больными делала его роль несколько похожей на роль старца в пресвитерианской системе, что является ярко выраженным проявлением антропологического феномена аскетизма.

Наконец, конечной целью аскетической духовной практики является соединение с Богом и достижение «обожествления». Для достижения этой цели очень важно удерживать внимание и сдерживать желание в процессе практики. В романе Якушкин впоследствии теряет свой дар врачевания и в конце концов умирает в одиночестве, выкапывая корни растений, чтобы заварить чай для бессмертия. Это означает, что Якушкин не достиг духовной цели духовной практики

аскезы. Так что же его отвлекало? С одной стороны, Якушкина отвлекали слава и богатство Коляни. Коляня – любовник дочери Якушкина Лены, он работает в журнале, хорошо пишет медицинские статьи и жаждет прославиться, а Якушкин, сумасшедший отец Лены, вызывает его интерес. При дальнейших встречах Коляня также глубоко попадает в зону притяжения Якушкина, считая Якушкина гением и поражаясь его талантом исцелять больных.

Коляня решает манипулировать Якушкиным, используя его целительные способности, чтобы выслужиться перед могущественными покровителями. Столкнувшись с двумя больными, бесполезной старухой и главным инженером Сибири, Якушкин пошел на компромисс под уговорами жаждущего быстрого успеха Коляни и выбрал последнего. Это также подготовило почву для внезапной потери Якушкиным своего исцеляющего дара. С другой стороны, Якушкина отвлекает лицемерная любовь Тони. Потеряв дар врачевания, Якушкин стал спасать пьяных и несчастных. В процессе он встретил Тоню, тридцатилетнюю алкоголичку, и безудержно влюбился в нее, желая жениться на ней и спасти ее. Любовь Якушкина слепа, и он слепо потворствует алкоголизму Тони. Чтобы обеспечить Тоню, которая становится похожей на бездонную яму, он в старости возобновил ремесло по ремонту домов и даже обратился за деньга-

ми к своей дочери Лене. Последний бессердечный уход Тони ускоряет старение Якушкина, истощая его энергию.

Кроме того, подход Якушкина к лечению больных также соответствует практическому содержанию аскетической духовной практики. В качестве первого шага лечения пациента Якушкин обычно делает массаж ладоней пациента, передавая через них энергию пациенту и в процессе общаясь с ним о любви и доброте, открывая сердце пациента и освобождая его желание говорить, прежде чем пациент начнет рассказывать о своих «грехах» и исповедоваться. Затем пациент начинает признаваться в своем «преступлении». Исповедь есть нравственное осуждение себя, являющееся пробуждением сознания, что имеет большое значение для христианской этики и отвечает требованиям начала духовного пути, являющегося началом практики аскетической духовной практики в «Предтече». Роман начинается с описания лечения Якушкиным больного, в центре внимания автора – проповедь Якушкина больному и духовное перерождение больного. Проповедь Якушкина начинается с добрых и ободряющих слов, за которыми следуют резкие и грубые вопросы, пока пациент благоговейно не признает свою вину и не начинает каяться. К тому времени, когда пациент закончил исповедоваться, его силы иссякли, и он уснул в крайней слабости. Затем

пациент завершает трансформацию сознания и достигает «обращения».

Якушкин также часто использовал голодание в качестве лечения, считая, что здоровые, свежие клетки обладают способностью очищаться и не пропускать все лишнее, и что, когда клетки насытятся и перестанут расти, лишняя плохая ткань отпадет сама по себе и восстановит здоровье. Пациенты временно излечиваются благодаря лечению Якушкина, а затем Якушкин советует им покинуть большой город. Человеческое тело – это совокупность клеток, и покинуть большой город означает оставить позади все посторонние вещи такие как слава, богатство и социальный статус, что эквивалентно тому, как большая клетка человеческого тела обновляется и отделяется от испорченной ткани. С другой стороны, практика ретрита – это поэтапный процесс, требующий от людей постоянных изменений. Сопротивлением этому процессу является особое состояние сознания, которое характеризуется замкнутостью и цикличностью, то есть, выработав определенные привычки и тенденции, человек повторяет их снова и снова, и, попав в это состояние, из него трудно выбраться. Пациенты Якушкина попадали в такое состояние – одни были алкоголиками, другие жадными до славы и богатства, третьи духовно пустыми. Эти типичные состояния сознания называются желаниями, и чтобы их преодолеть, нужно сначала их рас-

познать, «т. е. увидеть возможности собственного сознания и сказать себе: в моем сознании возникает такое-то желание» [霍鲁日、张百春, 2010в, с. 94].

Методы лечения голодом и убеждениями, которые использует Якушкин, – это одновременно борьба с нарастающим сопротивлением, которая в восточно-христианской традиции называется «невидимой борьбой». Якушкин не заставляет своих пациентов уезжать из большого города, а только убеждает их, потому что пациент мог быть по-настоящему исцелен, только если он обладает способностью к самоанализу и осознает свои желания. Поэтому все выздоровевшие пациенты Якушкина покинули большой город, который здесь символизирует желание, и именно вдали от мирских желаний можно достичь истинного внутреннего исцеления. Это напоминает первых последователей аскетизма, которые бежали из города и устремлялись в пустыню, чтобы практиковать в одиночестве во время зарождения аскезы. Будь то Якушкин и последние пациенты, покинувшие город, или первые аскеты, отправившиеся в пустыню для уединенной практики, – все они были своего рода первопроходцами пробуждения сознания для своего времени.

**Антропологический подтекст
аскетизма в творчестве**

В. Маканина

Писательница Вирджиния Вульф считает, что «неоспоримым фактом является то, что жизненный опыт оказывает большое влияние на художественную литературу» [伍尔夫、翟世镜, 1986, с.53]. На протяжении всего жизненного опыта и творческого пути Маканина в его произведениях присутствуют намеки на духовную практику аскетизма. «После университета Владимир Маканин отработал около пяти лет по своей инженерной специальности в Военно-артиллерийской академии» [Амусин, 2010, с. 15]. В 1962 году разразился Карибский кризис, возникла угроза ядерной войны. Это было самое напряженное противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами во время холодной войны и самый опасный момент для существования человечества. В. Маканин, работавший в Академии военных наук имени Дзержинского, хорошо понимал всю серьезность этого кубинского кризиса, в то время как неосведомленные массы продолжали оцепенело жить под мраком надвигающегося военной катастрофы. Этот контраст вызвал у Маканина желание «кричать и пытаться спасти мир» [郑滨, 1994, с.75; 侯玮红, 2007, с. 30]. Поэтому он решил взять в руки перо и написать свой первый роман «Прямая линия», ко-

торый «был тепло встречен критикой» [Лейдерман, 2013, с. 626].

Это также указывает на его неординарный литературный путь. Публикация «Прямой линии» стала важным поворотным моментом в жизни Маканина, ознаменовав смещение его внимания с естественных наук на духовный мир и призыв к пробуждению духовного мира человека. Это не только пробуждение сознания Маканина, но и начало его литературной карьеры, и даже начало его практики квиетизма. В 1970-х годах творческая карьера Маканина не была гладкой, и его произведения часто подвергались критике, так что их нельзя было публиковать в журналах, но несмотря на это, Маканин упорно придерживался собственной литературной эстетики и убеждениям. Такая настойчивость Маканина подобна сосредоточенности и сдержанности перед лицом растущего сопротивления в практике медитативного гуманизма. В 1972 году В. Маканин, к сожалению, попал в автомобильную аварию и из-за перелома позвоночника ему пришлось перенести множество операций и мучительно долго восстанавливаться, чтобы встать на ноги. Он говорил: «Это заставило меня начать смотреть на жизнь с религиозной точки зрения, а значит, познать истинный смысл жизни и самоценность человеческого существования» [侯玮红, 2007, с. 29]. Отсюда – постоянный лейтмотив

квиегизма и ретритизма в его художественной антропологии.

Вопрос о добре и зле всегда был лейтмотивом творчества Маканина в разные периоды. «Маканин не обвиняет и не защищает своего героя, он видит «адскую смесь» [Аннинский, 1986, с. 222]. Итак, в произведениях Маканина нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, добро и зло существуют одновременно, и это есть истинное проявление человеческой природы. Исследование Маканиным добра и зла в человеческой природе свидетельствует о зарождении ретритной духовной практики. Только при глубоком размышлении и самопознании, рефлексии над добром и злом человеческой природы можно достигнуть пробуждения сознания, обрести и прозреть собственное направление и цели и быть способным вступить на путь ретритной духовной практики медитации, аскетизма и на путь постепенного самосовершенствования. Произведения Маканина также исследуют пути выхода из человеческого общества: «Каждая его работа – это его эксперимент над человеческой природой в разные периоды» [侯玮红, 2001, с.66], и эволюция писателя «примечательна для многих существенных тенденций всего литературного процесса.» [Бочаров, 1986, с. 209].

Поэтому целью духовной практики Маканина и его героев является не обожествление личности в

традиционном понимании, а некое великое благо, надежда на спасение нации и народа с помощью магической силы, подобной богу, это проявление «мессианского» сознания русской интеллигенции. Ранние и зрелые произведения Маканина, такие как «Повесть о Старом Поселке», «Отдушина», «Один и Одна», более устремлены к проблеме выбора и духовного пробуждения, что как раз соответствует «обращению» к духовной практике медитации. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Маканин представляет два варианта действий при встрече с сопротивлением на пути ретритной духовной практики медитации: либо похоронить свои идеалы в сердце и молча идти вперед, как Петрович, либо держать их высоко и упорно бороться, как Вик Викыч. Поиски Маканина в мире искусства – это и его эксперимент в духовном мире, поэтому это можно рассматривать и как интерпретацию Маканиным своего практического опыта, накопленного им в духовном мире, и обмен им с читателем, что как раз и является одним из элементов практики ретрита. Более поздние произведения Маканина, такие как «Долог наш путь», «Лаз» и «Где сходилась небо с холмами», в большей степени посвящены видению дальнейшего пути развития человеческого общества, и могут быть также описаны как ретритная духовная практика Маканина по поиску бу-

душего и надежды для человечества в мире сознания.

Заключение

Мотивы, связанные с ретритной духовной практикой, можно увидеть не только в творчестве Маканина, но и в творчестве других русских писателей. После прихода в Россию из Византии в X-XIII веках, ретритизм пережил расцвет в московский период с XIV по XVII века, упадок с XVII по XIX века и, наконец, возрождение в XIX-XX веках. В то же время два блестящих периода в истории русской литературы – «Золотой век» и «Серебряный век» также приходятся на XIX и XX века. Русский ученый Каган однажды сказал, что «искусство подобно зеркалу, и культура видит в нем себя» [卡冈、凌继尧, 1985, с. 276], что отчасти напоминает фигуру ретритной антропологии. Таким образом, духовную практику ретритизма можно обнаружить в русской литературе XIX и XX веков. Например, Гоголь в «Мертвых душах» «призывает и ведет людей к добру и приближается к Богу» [刁

科梅, 2016, с.123]; Достоевский в «Братьях Карамазовых» представляет затворническую жизнь как «важнейший духовный и культурный фактор в жизни русского общества того времени» [张变革, 2014, с.264]; Лев Толстой в книге «Царство божие внутри вас...» «представил метод ретритной практики “изменить нашу жизнь или изменить наше сознание”» [列夫·托尔斯泰, 2011, с.119]; В Шаров в романе «Будьте как дети» «открыл роль русской православной ретритной мысли для человека» [刁科梅, 2020, с. 62]. Таким образом, можно констатировать, что ретритистская антропология глубоко вошла в русскую национальную культуру, стала знаменательным явлением в русской литературе, побуждающим людей к активной практике постепенного преобразования всей личности, достижения самосовершенствования и обретения истинного внутреннего покоя и умиротворения.

Библиографический список

1. Амусин М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. Москва : Эксмо, 2010. 445 с.
2. Аннинский Л. Структура лабиринта // Знамя. 1986. No2. С. 218-226.
3. Бочаров А. Чем жива литература: Современность и литературный процесс. Москва : Советский писатель, 1986. 400 с.
4. Васильева М. Н., Васильева О. Н. Образ “врачеватель” 2 половины XX века (феномен интертекстуальности в повести В. С. Маканина “Предтеча”) / М. Н. Васильева, О. Н. Васильева // Инновационные технологии в науке и образовании. 2017. С. 247-251.

5. Владимирова К. Е. «Светлое небо» и «чернота земли»: тема бездуховности в романе В. Маканина «Предтеча» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №7(25). С. 112-115.
6. Лейдерман Н. Л. Русская литература XX века (1950-1990-е годы) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. Москва : Академия, 2013. 688 с.
7. 霍鲁日、张百春:拜占庭与俄国的静修主义·载《世界哲学》2010 a 年第 2 期,第 83 页-91 页。
8. 霍鲁日、张百春:静修主义人学·载《世界哲学》2010в 年第 2 期, 第 92 页-100 页。
9. 霍鲁日、张百春:俄国哲学的产生·载《俄罗斯文艺》·2010 с 年第 1 期,第 57 页-65 页。
10. 刁科梅、韩晓丽:小说《像孩子一样》中的人物形象解读·载《俄罗斯文艺》2020 年第 2 期, 第 61 页-71 页。
11. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制的实质研究·载《哈尔滨工业大学学报(社会科学版)》2013 年第 2 期, 第 74 页-78 页。
12. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制对果戈里创作思想的影响研究·载《齐齐哈尔大学(哲学社会科学版)》2016 年第 12 期, 第 115 页-118 页。
13. 弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松:先驱者·海南:南海出版公司, 2006 年, 第 48 页。
14. 伍尔夫,翟世镜:论小说与小说家·上海:上海译文出版社·1986 年, 第 53 页。
15. 侯玮红:“第一印象是最深刻的”——马卡宁在北京·载《外国文学动态》·2007 年第 2 期, 第 29 页-31 页。
16. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格·载《外国文学评论》·2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页。
17. 卡冈、凌继尧:美学和系统放大·北京:中国文联出版公司·1985 年, 第 276 页。
18. 列夫·托尔斯泰、孙晓春:天国在你心中, 长春:吉林出版社, 2011 年, 第 119 页。
19. 郑滨:当前的题材很少使我心动——记者阿穆尔斯基访马卡宁·载《苏联文学联刊》·1994 年第 4 期, 第 75 页-76 页·第 85 页。

20. 张变革:当代国际学者论陀思妥耶夫斯基·北京:北京大学出版社, 2014年, 第264页。

Reference list

1. Amusin M. F. Alhimija povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina = The alchemy of everyday life: an essay on Vladimir Makanin's work. Moskva : Jeksmo, 2010. 445 s.
2. Anninskij L. Struktura labirinta = The labyrinth structure // Znamja. 1986. No2. S. 218-226.
3. Bocharov A. Chem zhiva literatura: Sovremennost' i literaturnyj process. = How literature lives: Modernity and the literary process. Moskva : Sovetskij pisatel', 1986. 400 s.
4. Vasil'eva M. N., Vasil'eva O. N. Obraz "vrachevatel" 2 poloviny XX veka (fenomen intertekstual'nosti v povesti V. S. Makanina "Predtecha") = The image of the "healer" of the 2nd half of the 20th century (the intertextuality phenomenon in V. S. Makanin's story "The Forerunner") // Innovacionnye tehnologii v nauke i obrazovanii. 2017. S.247-251.
5. Vladimirova K. E. "Svetloe nebo" i "chernota zemli": tema bezduhovnosti v romane V. Makanina "Predtecha" = "The bright sky" and "blackness of the earth": the theme of the spiritless in V. Makanin's novel "The Forerunner" / M. N. Vasil'eva, O. N. Vasil'eva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki., 2013. No7(25) . S. 112-115.
6. Lejderman N. L. Russkaja literatura XX veka (1950-1990-e gody) = Russian literature of XX century (1950-1990s) / N. L. Lejderman, M. N. Lipoveckij. Moskva : Akademija, 2013. 688 s.
7. 霍鲁日、张百春:拜占庭与俄国的静修主义, 载《世界哲学》2010 a 年第 2 期,第 83 页-91 页。
8. 霍鲁日、张百春:静修主义人学, 载《世界哲学》2010v 年第 2 期, 第 92 页-100 页。
9. 霍鲁日、张百春:俄国哲学的产生, 载《俄罗斯文艺》, 2010 s 年第 1 期, 第 57 页-65 页。
10. 刁科梅、韩晓丽:小说《像孩子一样》中的人物形象解读, 载《俄罗斯文艺》2020 年第 2 期, 第 61 页-71 页。
11. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制的实质研究, 载《哈尔滨工业大学学报(社会科学版)》2013 年第 2 期, 第 74 页-78 页。
12. 刁科梅:俄罗斯东正教长老制对果戈里创作思想的影响研究, 载《齐齐哈尔大学(哲学社会科学版)》2016 年第 12 期, 第 115 页-118 页。
13. 弗拉基米尔·马卡宁、孔霞蔚、万海松:先驱者, 海南:南海出版公司, 2006 年, 第 48 页。
14. 伍尔夫,翟世镜:论小说与小说家, 上海:上海译文出版社, 1986 年, 第 53 页。
15. 侯玮红:“第一印象是最深刻的”——马卡宁在北京, 载《外国文学动态》, 2007 年第 2 期, 第 29 页-31 页。

16. 侯玮红:论马卡宁小说创作的艺术风格, 载《外国文学评论》, 2001 年第 2 期, 第 60 页-66 页。
17. 卡冈、凌继尧:美学和系统放大, 北京:中国文联出版公司, 1985 年, 第 276 页。
18. 列夫·托尔斯泰、孙晓春:天国在你心中, 长春:吉林出版社, 2011 年, 第 119 页。
19. 郑滨: 当前的题材很少使我心动——记者阿穆尔斯基访马卡宁, 载《苏联文学联刊》, 1994 年第 4 期, 第 75 页-76 页, 第 85 页。
20. 张变革:当代国际学者论陀思妥耶夫斯基, 北京:北京大学出版社, 2014 年, 第 264 页。

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 30.10.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted on 05.10.2022; approved after reviewing 30.10.2022; accepted for publication on 28.11.2022